

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№ 8-9-2014 г.

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Газета издаётся при поддержке министерства культуры Ростовской
Столетие Алима Кешокова **Остановленное мгновение**

О творчестве Игоря Кудрявцева

Тринадцатого ноября.

Всё, еду в Нальчик на юбилей Кешокова. В два ночи должен ступить на землю Кабарды. Автобус не полон. Моя соседка по креслу – не старая ещё кабардинка, вся в чёрном, и молчаливая, как пень. Через проход сидит её дочь, одетая также, и рядом с ней неземное существо в белой прозрачной кофточке с застёжками на спине, цветных колготках, в очках на резиночке, которые она поддёргивает, сморщив носик. Это дочь и внучка чёрных женщин и зовут её Милка. Милка – сущий электроник, она минуту сидит, полчаса мотается по салону.

Подъезжаем в тумане к Нальчику. Два ночи.

В гостинице уснул, как провалился в тартарары. А утром с шестого этажа передо мной открылись вершины в снегах. Мать моя, что я люблю, так вот такую красоту!

От Ростова прибыл Борис Стариков – мой давнишний знакомый.

Четырнадцатого ноября начинаются мероприятия, ради которых мы сюда прибыли – торжества по случаю столетия со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственных премий России и КБР, государственного и общественного деятеля, Героя Социалистического Труда Алима Пшемаховича Кешокова. Вечером встреча с членами правительства, затем наши выступления перед тружениками республики и концерт.

Правительство пришлось подождать – дело обычное. Но разговор получился, и я спросил: «Оказывается ли в республике финансовая поддержка писателям, поэтам, чтоб не думали о хлебе насущном, а тво-

Геннадий Иванов танцует с горянкой во дворе школы перед открытием музея

С Игорем Николаевичем Кудрявцевым я познакомился заочно долго до личной встречи, — по его стихам в периодике. Выходец из литературной группы тогдашнего гиганта соиндустрии, завода «Ростсельмаш», Игорь Кудрявцев писал в молодости о заводчанах, о своих товарищах литгрупповцах, добрую память о которых он сохранил на всю жизнь.

Характерные стихи того, «пролетарского» творческого периода: «Стихи о человеке, который лечит станки», «Птичья биография», «Весна на Дону», «Седина». Произведения молодого, начинающего поэта были, как тогда требовалось, очень идейны, политически правильны, но в то же время образны и весьма душевны, потому что Игорь Кудрявцев всё пропускал через собственную душу. Поэт поднимал темы борьбы за мир, освоения целинных земель, ударных коммунистических строек.

У Игоря Николаевича выработался свой особый поэтический почерк, сделавший его не похожим на других ростовских поэтов, как начинающих, так и маститых. Кудрявцев часто использовал форму рефренов, как характерный приём в построении стихотворения, где стержневая мысль, варьируясь в каждой новой строфе, единой нитью пронизывает поэтическую ткань произведения. Не случайно Игоря Кудрявцева сразу же заметили в столице. Поэту Евгению Долматовскому

(Окончание на стр. 2

рили?). И знаете, оказывается. В республике более шестисот деятелей литературы и искусства, и они в разных суммах получают дотации. Небольшие, но и сама КБР небольшая: населения всего тысяч восемьсот. И издательство есть своё – «Эльбрус», и Союз писателей, но самое важное, на мой взгляд – в республике власть и народ ценит талантливых людей, гордится ими и бережёт их.

Потом нас, гостей, посадили в президиум, и от каждой писательской делегации кто-то выступал. Зал театра, где проходило торжество, был полон, и никто не бродил туда-сюда. Начал выступления первый секретарь Правления Союза писателей России Геннадий Иванов, дошёл черёд и до меня, кубанского посланника. Надо признаться, что об Алиме Кешокове я мало знал, но нашлась в районной библиотеке книжка его стихов 1972 года издания. Её прочёл, и она мне понравилась. Столько в ней доброты, сострадания, человечности я увидел, что и построил своё выступление на этом. Да ещё прочёл «Секретные стихи» – душевнейшее творение. Кабардинцам понравилось. А после был концерт и в полночь ужин...

На следующий день мы возлагали цветы к памятнику поэта и были на открытии его музея в селе Шалущка. Побывали и у могилы поэта на родовом кладбище, где все памятники, как положено у мусульман, смотрят на Мекку.

Музей открывали в местной школе. В нём много фотографий Алима Пшемаховича, разных документов, поставлен и рабочий стол поэта с ручкой, тубетейкой и чётками. Музей, естественно, будет ещё пополняться. Об этом просили музейщики гостей. Я подарил школе два сборника своих рассказов и новелл – что смог. А потом был предлинный обед с тостами, речами, где я опять не знал, куда деваться со своей диетой. Выручил меня композитор Заур, автор чудесной песни на стихи юбиляра: «На мою ладонь садитесь, птицы». Заур сидел напротив ипил минералку. Своё «питьё» объяснил так: «Я хотел попробовать пропить талант. Попробовал, ничего не получилось – талант не пропьёшь!». Я тоже налил себе минералки и сказал: «И я попробовал», и чокнулся с Зауром. И от меня отстали.

Зато вечером в отеле меня заметил аксакал адыгейской литературы Исхак Машбаш, который с кем-то беседовал о национальной одежде: – Вот он, кубанский казак...

А утром шестнадцатого прощай гостеприимная Кабардино-Балкария. Уезжаю под пожелание: «Ждём Вас на двухсотлетие Кешокова!». «Спасибо, друзья, но я еду на раритетном «Икарусе», и если выдержу дорогу, помечтаю...».

Степан Деревянко, член Союза писателей России

Вниманию писателей, читателей, работников библиотек!

По вопросам подписки на журнал «ДОН_новый» обращаться по адресу: ООО «Урал-Пресс-Юг», Ростов-на-Дону, ул. Суворова д. 10А. 8 (863) 269-84-00; 244-12-12; 240-92-15;

Стоимость подписки на 2015 год: 4-ре номера – 1200 рублей (1-го экземпляра 1-го номера журнала – 300 рублей).

С Днём рождения!

ПОЗДРАВЛЯЕМ наших коллег, членов и кандидатов в члены Союза писателей России, членов Литфонда России, родившихся в декабре – первом зимнем месяце:

Малова Павла Георгиевича (1.12.1957);

Курмакаеву Валентину Анатольевну (3.12.1953);

Хартавакан Кларик Саркисовну (19.12.1953);

Дьякова Леонида Владимировича (20.12.1932);

Кудрявцева Игоря Николаевича (23.12.1944) – с семидесятилетием!

Желаем бодрости и здоровья, хорошей погоды с прогулками по заснеженному городу, плодотворной литературной работы в тёплых, уютных домах.

В номере:

Степан Деревянко
Столетие Алима Кешокова
Заметки
Павел Малов
Остановленное мгновение.
Очерк
1 стр.

Игорь Кудрявцев
Я голубицу подобрал. Стихи
2 стр.

Владимир Моисеев
От других стараюсь не отстать
Стихи.
Валентина Данькова
«То губы обожгу, то душу...»
Очерк
3 стр.

Алексей Береговой
Офигеть! Миниатюры - 4
4-5 стр.

Людмила Хлыстова
За полцены. Рассказ
6 стр.

Ольга Корнеева
Я прошу отдного – Любви...
Стихи
Николай Скрёбов
«На рубеже стремительных столетий...» Очерк
7 стр.

Книжное обозрение
В «толстых» журналах региона
8 стр.

Игорь Кудрявцев

Я голубицу подобрал

Как наше родное «вчера» —
Над белораздымьем коистра...

Основа основы — Слово
Под небом Господня Крова...

Передовая

Речь — не о буднях фронта,
Речь — о другом:
Вышел я к поднебесью
Вслед за отцом...
Годы, минув пашни
И молотобу,
Тянут мои обжитки,
Словно арбу...
Чуть постою на взгорье
Перед судьбой,
Всё понимаю сердцем
И головой...
А колокольцы — птахи
Утренних снов...
А колокольцы — дети
Колоколов...
А колокольня — ростом
До облаков...
А колокольня — просто
Песенный зов...

Там

Если наречье воды
Станет гудком парохода,
Значит, упало в сады
Слово нездешнего рода.
Я подниму седину
Там, где явился однажды,
И укачаю волну
Берегом песенной жажды...
Выплывет юный Пегас, —
То ли родня, то ли родня...
То ли крылатая сводня
Музы, полёта и нас...

У непрямого сродня
Сушит одежду баркас...

Иногда

Пускай торопится вода
Туда, где юная страда —
Не напоказ...
Забросить — что ли — невода
Туда, где старость молода,
Где наши мысли иногда
Умнее нас...

День птиц

Прогнав кота за угол ночи,
Я голубицу подобрал...
Она поверила спасенью
И поутру снесла яйцо,
Напоминающее Землю
В её домашнем исполнении
(Как говорил учёный лектор —
Земля кругла, а всё же эллипс)...
Что думать сердцу?... Будто ветер,
Живёт бессмертье в кювете,
А за горами, во дворце —
Песчинка жизни на лице...
Хотя душе полезно Бремя —
Крыло, Земля и Божье время...

Завыл

Ни в полуночном лесу,
Ни спяна, ни ради шутки
Уступил дорогу псу
В межгаражном промежутке.
Ох уж это «Се-ля-ви»...
Я стоял — простак-рубаша, —
То ли добрый от любви,
То ли добренький от страха.
Бросив под ноги кинжал,
Пёс — невольник нашей встречи —
Улыбнулся наповал
И завыл по-человечьи.

С утра

Встаю... О чём писать — не знаю...
Ношу под сердцем волчью стаю
Нешадных критиков моих...
И оттого молочный стих,
Пугаясь жадного судейства,
Как неусыпного злодейства,
Бойтся сам себя... Но вот
Из ножен лучик достаёт...

***
«... от избытка сердца
говорят уста...»
Евангелие от Луки

Прибегали пустые дали,
Приглашали в осенний дом,
Где оркестры мои устали,
Как за речку упавший гром.
До утра золотели окна,

К 70-летию поэта

Будто соты разменных лет...
И летели мои толкна,
Осыпая медовый след...
Рядом с тенью цвела забудка —
Неприметный седой цветок...
И дудела чужая дудка,
Расточая избывный сок...
У плескучей души сюжета,
У повинной души листа —
От избытка чужого сердца
Говорили мои уста...

Декабрь

А.А. Кондакову

Ветка зимы, удержись,
Там, за окном лихверть...
Дело житейское — жизнь,
Дело житейское — смерть.
Мне хорошо на земле,
Мне хорошо в небесах...
Ветка зимы на столе —
Будто стихи при свечах...

Услышал

Спросил у рифмы
«Кровь-Любовь» —
Отчего она бессмертна...
Услышал —
Как открыл берег:
В мире пролито
Столько же крови,
Сколько и любви...
Задумался...
Но рифмовать кровь
С любовью
Не поднялась
Душа...

***
Владеа, друг, искусством
Общения с пером,
Полезно думать чувством
И чувствовать умом.

Рай

В лицо дышало море...
А дальше, на просторе
Сквозило голубое...
И облако живое,
У неба на опушке,
Кудрявое, как Пушкин,
Но только поседевший, —
Пленило берег здешний,
Где мы седин касались
И в море умещались,
Как два птенца влюблённых —
В ладонях раскрылённых.

Где

Мы ведали, мы видели,
Как белые цветы
За окнами обители
Стопились у мечты.
Дышала ветка осени
Последнею зарёй,
И чёрные откосины
Сходились за горой.
Где слово непокорное
Разменивало Час,
Где Белое и Чёрное
Пронизывали нас...

Пока...

Между нами трасса, как река...
Пароходик с именем автобус
Зачерпнёт меня и стихоопус,
А затем упрячет в облака...
Мне вдогон махнёт издадека
Жестом осенённая рука...

С высоты Земля — не цветглобус,
А прожилка белого песка,
А нашлёпка рыжего листка,
А твоё — из августа — «пока...»,
А моя упавшая строка...

Твердь

Основа любви — прощенье,
Основа Земли — вращенье,
Как нашей реки теченье,
Как нашей зимы весенье,
Как наше родное житьё,
Лоскутное, будто шитьё,

попался журнал «Дон», где было опубликовано знаменитое стихотворение начинающего донского поэта «Уходит ночь...».

Уходит ночь.
Пора зари настала.
Синеют дали,
слышу поступь дня.
Я ненавижу тьму —
как это мало
Для света,
но как много для меня...

Оно так поразило известного московского мэтра, что он с восторгом упомянул об Игоре Кудрявцеве в журнале «Октябрь». Как шутливо вспоминал об этом Игорь Николаевич: «На следующий день я проснулся известным на всю страну!» В то время действительно попасть на страницы столичного журнала было событием!

Помимо стихов о рабочем классе и борьбе за мир, Игорь Кудрявцев писал о природе, о любви. Причём, очень проникновенно, прочувствованно, находя единственные точные слова, которые, как говорится, из песни не выкинешь:

Спешные речи вокзала.
Слёзы подступают — держись.
«Кончилось лето», — сказала
Так, словно кончилась жизнь.
(«Спешные речи вокзала...»)

Каждый период жизни Игоря Кудрявцева

Остановленное мгновенье

О творчестве Игоря Кудрявцева

нашёл своё отражение в стихах. Впоследствии, в зрелые годы, горячая социалистическая патристичность перейдёт в гражданственность высококино накала, ознаменовавшись такими творческими вершинами, как стихотворения «Собратьям по перу», «Раскинулось море широко...», «Бильярдный шар» и другие, вошедшие в книгу «Уклад» (Ростиздат, 1989 г.). Особенно запоминается «Бильярдный шар», в котором поэт дал обобщённый поэтический образ своего поколения:

Невыносима горечь срыва...
На полках, выйдя из борьбы,
Блестят товарищей счастливых
Пронумерованные лбы.

Помню, Игорь Николаевич, с присущим ему юмором, говорил на одном из занятий литобъединения «Дон» по поводу выхода сборника «Уклад»: «Выпущу ещё три книги стихов: «Клад», «Лад», «Ад» и брошу писать!» Но, слава Богу, не бросил.

Юмор встречается и в стихах поэта, как например, в миниатюре «Супружеский долг»:

Это, друг, придёт с годами:
Отдавать его деньгами.

Это из книги «Четвёртое время», увидевшей

свет в издательстве «Донской писатель» в 2012 г.

Произведениям поэта свойственна образность. Образы очень насыщены смыслом, кинематографически зримы, даже осязаемы: «Где две изогнутые вербы, / Как брови девичьи — вразлёт» («Весна на Дону»); «Я сегодня непрощенный гость / У хозяйки по имени Счастье» («Гость»); «Из ночного порванного бредня / Уплываю звёзды в Никуда...» («В Никуда»). С годами пришли афористичность и сопутствующая ей краткость, которая, как известно «сестра таланта». Особенно явственно это высветилось в книге «Четвёртое время»: «Счастье — это думать ни о чём» («Счастье»); «Календарь — как Божий Ларь...» («Строка»). Сборник буквально пересыпан краткостипиями, а один из разделов так и назван: «Двустрочник»: «Обняла, не сняв перчатки... / А на сердце — отпечатки» («Детектив»); «Отразилось в луже / И не стало хуже» («Солнце»); «Разбудил мобильник в шесть — / Значит, я и вправду есть» («Значит»); «Какое счастье быть поэтом / И не печататься при этом» («Абсурд»).

Помимо всего, Игорь Николаевич очень скрупулёзный, вдумчивый и требовательный редактор, не даром поработал в своё время литературным консультантом в областной молодёжной газете «Комсомолец». Да и в Москве довелось постигать поэтическую науку, в знаменитом

Литературном институте им. М. Горького, — два года на Высших литературных курсах. По свидетельству очевидцев, основная «учёба» вновь поступающих в Литинститут «гениев», — а на первом курсе дневного обучения, по словам Игоря Николаевича, как правило, все сплошь «гении» и «великие», — протекает не в стенах «Дома Герцена», а в студенческом общежитии. Именно там, во время многочисленных, регулярных и весьма обильных ночных застолий, ковалась истинная литературная «гвардия». Не думаю, что Игоря Николаевича когда-либо занимали подобные нескромные вопросы. Все точки над «i» расставляет беспристрастное время, о чём и написал Игорь Кудрявцев в одном из своих лучших стихотворений «Дуэль»:

Раздался выстрел на опушке,
Заставив вздрогнуть чёрный лес.
Лишь на мгновенье умер Пушкин,
И лишь мгновенье жил Дантес.

О времени, как бы переключаясь с этими строками, и двустипие «Остановил», — в нём поэт пытается решить извечную философскую проблему: «Бежало время под рукой, — / Остановил его строкой». Как видим, Кудрявцев пипет по-своему оригинально и лаконично. А вот Гёте, для выражения по сути этой же мысли: «Остановись, мгновенье, ты — прекрасно!», — пришлось сочинять целую трагедию, «Фауст».

Павел Малов, член СП России

Окурок

Жизнь, уходя,
и подмигнёт, и спляшет,
и поцелуй пошлет воздушный.
Окурок бытия тяну взятяжку.
То губы обожгу,
то душу.

Уже впритык
тот уголёк палящий.
И всё большее обжигаются я.
Но с каждой затяжкой
только слаще
тот золотой окурок бытия.

Стена

Была обычная стена,
стояла, холодела.
Но вот сползла по ней
Спина
в рубашке смертной белой.
За годы много их сползло
в последней
смутной дрожи.
Добро казнили
или зло?
Как знать?
Все спины схожи.
Стена привыкла в полутьме
к тяжёлому сползанью.
— Скажи, стена,
откройся мне.
Ты помнишь боль, страданье?
Вокруг стоял бурьянный зной.
Ответ был полон мглою:
— Ты прислонись ко мне
спиной
и я, быть может,
вспомню.

Вечер 1945 года

Месяц в небе —
как ржавый осколок.
Смех и пляска за нашей стеной.
Воротился с войны дядя Коля, за-
бинтованный сединой.
Керосинки мигает пламя.
Патефона какой-то мотив.
И стоит у стены моя мама,
в одиночестве пальцы сцепив.
Мне три года.
Сижку на пороге.
Жду от папки подарок —
коня.

Владимир Моисеев
От других стараюсь не отстать

И тогда подошло ко мне горе
и погладило молча меня.

Сенокос

Сенокос!
Хоть выжимай рубахи.
Луговой стожильный
ж-жик!
Под копной, хвостом
помахивая,
свесил зной оранжевый
язык.
Оводов гуденье осторожное.
Травяная трудная верста.
Мне всего тринадцать,
только всё же
от других стараюсь
не отстать.
Я кошу напористо и страстно.
Ведь вдали, в просторах
ковыляя
сено ворошит в косынке
красной

первая бессонница моя.
Я кошу,
но гнёт усталость ноги,
я кошу — на выдохе душа.
А во сне-то
побеждал я многих,
как траву, соперников круша.
Наяву случилось всё не гладко.
Кочки, зной и мошкору кляня,
вижу я, что мужиков лопатки
далеко темнеют от меня.
Я догнать пытался, да напрасно.
И стоял я в горькой тишине...
Подопла она в косынке красной...
и подула на ладони мне.

«Следы»

Её следы цвели вдоль перелеска.
Я рядом шёл. Не наступал на них.
Мучительно тянулось малолетство
под прозвищем язвительным —
«жених»!
И вот однажды около оврага
увидел я сквозь мёрзлые огни,
как тонкий след её
ломали нагло
лихого гармониста сапоги.

А я стоял. Меня понять нетрудно.
Он был красавцем,
первым из парней.
Шагал вразвалочку,
Спокойно — грубо.
И скрылся в темноте её дверей.
В тот миг, как будто
душу подкосило.
Уже встречали полночь петухи...
Потом
на празднике
сапожным шилом
хмельной гармошки я пробил мехи.
Его кулак тяжёлым был и ярым.
Он из под фикса процедил мне:
«Псих!»
Её следы —
всё детство были рядом.
Мела молва.
Но не затёрла их».

***

Может быть, когда-нибудь покаюсь.
Может быть, покаешься и ты.
Я тебя с улыбкой отпускаю
на четыре стороны.
Лети!
Ты лети, пока ещё крылата,

из моих открытых настееж
рук —
на четыре стороны заката,
на четыре стороны разлук.
Синева осенняя безбрежна,
здесь когда-то пели соловьи.
На прощанье я целую бережно
губы перелётные твои.
Я не верю ни в любовь,
ни в Бога.
Буреломна будней колея.
Всё ж обратную запомни ты
дорогу, кочевая,
перелётная моя.

Ночное море

Оно,
как всё живущее,
до жизни жадно.
Туманы и ветра, беря в полон,
оно процеживает медленно
сквозь жабры

весенних звезд ликующих планктон.

Вздыхает, фыркает,
О скалы трётся мощно,
хвостом лиловым водит,
как во сне...
Огромное, прекрасное чудовище!
Позволь —
тебя погладить по спине.

***

К морю — праматери —
я прильну,
услышу глубин глаголицу.
Море кладёт
за волной волну.
Поклонно за нас
оно молится.

Молится море.
В песок поклоню.
В песок —
а не в холод плит...
И поют
всей земли колокольни,
встречая
праматерь молитв.

***
И горькою, и сладкой жизнь была.
Свеча —
она всю жизнь ходила следом.
И в чёрном, как монашки,
зеркала
в себе хоронят
взгляд его последний.

Открыт псалтырь.
Страницы вязь рябая.
Звучат слова, едва касаясь слуха.
Старуха шепчет, мягко принимая
его —
во **Что-то**
доброй повитухой.

***

Равнина.
Ветер, как наждак.
Набухла даль сырою мглой.
Но светится сквозь рубище дождя
церквушки
крестик золотой.

Быть может, завтра
свист метельный
пронизет здесь жнивье, столбы.
А крестик греет.
Он —
Нательный
пространства этого,
судьбы.

Много лет я бражничал, греша.
Не верил я в конец пути.
Но вот — в звезду полночную
установилась душа,
и проросло в ней:
«Господи, прости!».
И в ожиданье замерла трава.
И в то молчанье хочется врать.
Завяли, стёрлись разные слова.
Цветёт лишь пара —
«Господи, прости!»

«То губы обожаю, то душу...»

В донском поэтическом многоголосье легко
узнаваемы своеобразные лирические интонации
таганрогского поэта Владимира Моисеева.

Читатели газеты «Донской писатель» знако-
мы с его творчеством по публикациям стихотво-
ренных подборок. В них, даже не очень многостро-
чных, им открылись жанрово-тематическое раз-
нообразие, яркий, неожиданный образный мир,
остро чувствующий жизнь лирический герой.

Особо лиричен В. Моисеев в любовных и
пейзажных стихах. «Осин осеннее наречье.../
Прощальный шум крыла. /Пересыпает ранний
вечер листву, огни села»; «Весна! Ворочаются
ночи. Их что-то беспокоит, шевелит. /И утро
брызжет синью сочной, /и почки распушились,
как шмели».

Не изменяет он этой лиричности и в других
стихах: городских, гражданских, военных, фило-
софских. В стихотворении «Я в церкви не могу
молиться» он пишет: «...Хочу с травой и небом
слиться в молитвенно-немой глуши. /Его черты
— на звёздной плащанице и здесь — на рубище
души». Или в полном драматической безысход-
ности стихотворении «Стена»: «Была обычная
стена, /стояла, холодела. /И вот сползла по ней
спина /в рубашке смертной белой».

Индивидуальность Моисеева-лирика фор-
мировалась под влиянием жизненного пути,
творческих поисков.

Он родился накануне войны в Ленинградской
области. Мать увозит его в Новосибирск к деду.
Позже из глубин его детской памяти всплывёт
один из послевоенных вечеров и состоится

стихотворение «Вечер 1945 года». В нём поэт
скупыми мазками достоверно воссоздал время,
близких ему людей.

Война отнимет у Володи и детство, и отца.
Его каникулярное отрочество пройдет в деревне
под Таганрогом у бабушки. Сельская природа,
вольница, крестьянский труд оставят у набло-
дательного чувствительного мальчика глубокий
след. Многие стихи напишутся и о той поре,
и о природе. В числе лучших — «Сенокос»,
«Сено». Восхищают: живой солнечный образ:
«...под копной, хвостом помахивая, /свесил зной
оранжевый язык» («Сенокос»); доверительная
детская чистота и открытость: «... У сарая, где
позёмка вьётся, /я беру охапку на плечо. /Сено в
темноте опять смеётся /и в лицо мне дышит
горячо», («Сено»).

Первая проба пера состоялась, когда он слу-
жил на Западной Украине в ракетных войсках.
Понятно, это были стихи о любви.

Любовная лирика в творчестве В. Моисеева
представлена, пожалуй, наиболее ярко и много-
гранно. Очаровывают стихи, одухотворённые
невинной эротикой, где лирический герой пе-
реживает платоническую любовь. Например,
стихотворение «Следы».

Её следы цвели вдоль перелеска.
Я рядом шёл. Не наступал на них...

Ошеломляют нарочитой откровенностью, как
говорится правдой жизни, сексуальностью такие,
как «Самоволка», «Любовь солдата»: «Из тебя,
злато-рыжей, /что привыкла блистать, /всехлю-
бовника выжму, /чтоб единственным стать».

И, конечно, — сквозным поэтическим образом
всего его творчества является женщина. Женщи-
на во всех её возрастных и других ипостасях:
девочка — подружка — девушка — возлюбленная
— жена — любовница — мать — старуха. Лирический
герой его стихов пытается постичь суть этого уди-
вительного создания. Она его влечёт, вызывает
восторженное поклонение, раздражает, обижает...
Но даже физическая власть над нею не приносит
результата — она растворяется, исчезает, непоня-
тая, непостижимая и всемогущая. Такова женщина
в его стихах «Взгляд»: «Сквозь радость, сквозь
отчаянье и бури /она, как бы незрячих нас ведёт»;
во многих других стихах, без названия. В одном
из них он пишет: «Ты лети, пока ещё крылата,
/из моих открытых настееж рук — /на четыре
стороны заката, /на четыре стороны разлук».

Юношеское «стихотворчество» у Владимира
переросло в серьёзную потребность выразить
себя поэтическим словом. Это стало решающим
в выборе жизненного пути — он поступил в Та-
ганрогский педагогический институт на фило-
логический факультет. В 80-90 годы в журнале
«Юность» и в «Литературной газете» появляются
его первые публикации стихотворений.

Владимир Нежданов, (редактор московского
издательства «Современник» 1986-1997 годы),
писал о его творчестве: «В стихах члена Союза
писателей России Владимира Моисеева чувству-
ется мягкое лирическое начало. Он обладает
ярко выраженным метафорическим складом
дарования».

Своеобразие стиля поэта Моисеева обуслов-
лено и влиянием его особого, художественного
видения мира, (он работал художником-оформителем),
мягкостью, тонкой организацией души. Вместе с тем,
ему свойственны ироничность, самоирония, способ-
ность к самоанализу и покаянью. Его стихи, а он издал два сборника
«Ржаные страницы» и «Млечный парус», на-
полнены неожиданными, до философической
глубины изящными и в то же время ёмкими
образами-открытиями и откровениями. «... как
шла по берегу, /и в туфельки песок набился в
проводящие». («Осенний пляж») «...увидел я
сквозь мёрзлые огни, /как тонкий след её ломали
нагло /лихого гармониста сапоги...» («Следы») «И
в ожиданье замерла трава. /И в то молчанье
хочется врать. /Завяли, стёрлись разные слова.
/Цветёт лишь пара — «Господи, прости!»

В своём предисловии к сборнику стихов по-
эта «Млечный парус» литературовед и критик
Людмила Малюкова пишет: «В. Моисеев — ху-
дожник, чутко слышащий и тонко чувствующий.
Он умеет подметить невидимое обычным глазом
и образно, почти зримо расцветить его».

Валентина Данькова, кандидат в члены
СП России

1 САМОЕ ВЕЛИКОЕ И САМОЕ МЕРЗКОЕ СОЗДАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

На мой взгляд, самое великое создание человечества по его распространению по земному шару и влиянию на людей вне зависимости от их национальности, религии, культуры, цвета кожи, политических взглядов — это футбол. Он сам стал этакой всепланетной религией над всеми религиями мира, ему поклоняются практически всё население Земли, — даже те, кто, вообще спортом мало интересуется, победы в нём отмечают, как национальные праздники, а поражения приравниваются к всенародным трагедиям.

Самое мерзкое создание человечества, на мой взгляд, — это ростовщичество (нажива на чужих бедах и трудностях), постепенно трансформировавшееся в мировую банковскую систему — современный демократический и рыночный вид экономического рабства большинства людей, живущих сегодня на планете.

Рузвельт начал свою борьбу с Великой депрессией с ликвидации коммерческих банков. И это в Америке-то! Но он знал, что делал.

Это неправда, что банковская система большинства государств является «кровеносной системой» его экономики, коммерческие банки являются «кровоотсасывающей» системой экономики государства, лёгкость этого отсоса подтверждает огромное количество коммерческих банков в России и огромное количество денежных средств, которое они уводят из экономики, тратя на своё содержание и обогащение.

2 ЛИТЕРАТОРСКИЕ «ЦИГЕЛЬ, ЦИГЕЛЬ! АЙ, ЛЮ-ЛЮ!»

Василий Воронов, ст. Старочеркасская, «Загряжский пантеон»: «Разливали котлов двое пожарных из брандспойта...»

Вот так! Выскочили из брандспойта, разлили котлов и, наконец, выпили их.

Алексей Глазунов, г. Сальск, «Узел»: «Полковник затянулся сигаретой и кивнул деду Ивану...»

Так затянулся, что теперь слова не скажет, только головой кивать может, — а сигарету назад никак не вытащить.

3 ЖУРНАЛИСТСКИЕ «ЦИГЕЛЬ, ЦИГЕЛЬ! АЙ, ЛЮ-ЛЮ!»

Артём Кол, «Вести-Россия»: «В результате артобстрела в Луганске выведена из строя электростанция. Но в Краснодоне электростанция работает, и чтобы подать электричество из Краснодона в Луганск республике срочно требуется 54 метра электрокабеля...»

Всего-то? Ведь так близко Краснодон переместился к Луганску.

Эльдар Баселия, «Утро-Россия»: «Под Донецком были обстреляны сёла Авдеевка и Макеевка...»

Хороши сёла с населением в полмиллиона человек. Только зачем заморачиваться, если Макеев-ка?

«Вести-ДонТР», женский голос за кадром: «Благодаря врождённому таланту, абсолютному слуху... певица...»

Очевидно талант бывает и не врождённый — приобретённый, (например, за деньги), выработанный, украденный и так далее.

Выражение по смыслу соответствует выражению «мокрая вода».

Елена Бузова, «Утро-Россия», рассказывая о новых голливудских шедеврах: «Она (героиня) классически визжит...»

Видимо, это всё, что осталось классического в современной продукции Голливуда.

Геннадий Орлов, футбольный комментатор, Санкт-Петербург, во время репортажа говорит: «Халк (игрок Зенита) чуть-чуть уснул...»

«Чуть-чуть уснул» — понимаю, но «чуть-чуть уснул» — как это?

Геннадий Орлов, футбольный комментатор, Санкт-Петербург, во время репортажа произносит уникальную фразу: «Шатов! (Игрок «Зенита») Его зверски сносят французские защитники. Какой молодец, этот Олег Шатов!»

Ну что сказать? Каждый зарабатывает себе славу, как может.

4 КАК ЭТО НАЗВАТЬ?

Сидит борзая с микрофоном одного из телеканалов в руке и тычет им в лицо пятилетнего ребёнка (его только что привезли из Украины), требует рассказать, что он чувствовал во время

ОФИГЕТЬ!

Миниатюры (окончание)

бомбёжки. Ребёнок нервничает, почти плачет, дрожит от страха. Но что ей до того? Ей надо отличиться — выдать редакции «горячий материал», пусть даже ценой психики ребёнка.

Как может назвать её действия нормальный человек?

Такие сами никогда не рожают, они делают карьеру. А беспринципным и тупорылым, на самом деле, живётся на свете гораздо легче.

5 ИНТЕРЕСНЫЕ ВОПРОСЫ

Интересно, когда негра называют афро-американцем, у него кожа белеет от этого или нет?

Интересно так же, почему говорить «первый тёмнокожий президент» прилично, а «первый чёрнокожий президент» — не прилично. Чем всё-таки слово «чёрный» ругательнее слова «тёмный»?

6 О ФАШИСТАХ

Наша тургруппа из России, после двух недель странствования по Европе, покинула Германию. Автобус стоял на контрольно-пропускном пункте германо-польской границы.

За время поездки народ из разных городов в группе перезнакомился и сдружился, превратившись в коллектив. Выделялся лишь своей непримиримостью ко всем и со всеми один «дедушка» из породы тех дедушек, которые становятся ими не по счёту прожитых лет, а по внешнему виду и постоянному брюзжанию. Он принадлежал к тому поколению «дедушек», которое родилось либо в Отечественную войну, либо сразу после неё.

«Дедушка» был недоволен абсолютно всеми достопримечательностями и красотами Европы, постоянно громко и навязчиво бубнил об этом, и очень охотно, как и все лица, страдающие комплексом неполноценности, спорил по теме, выражая абсолютную уверенность в знании истины. Короче, всем он порядком надоел, и потому народ старался не вступать с ним в полемику.

В общем, автобус медленно передвигался в небольшой очереди из легковых автомобилей и автобусов непосредственно к посту. Наконец, остановился, и в салон вошли офицер-пограничник и таможенник. Таможенник бегло осматривал вещи пассажиров, пограничник собирал загранпаспорта.

Он уже собрал паспорта и направился к выходу, когда «дедушка» неожиданно громко изрёк со своего места в середине автобуса:

— Этот фашист долго ещё будет возиться?

Немец обернулся, посмотрел на него и молча вышел.

Прошёл час, никто наших паспортов нам не нес.

Прошло два часа — тоже самое. Нас уже объехало несколько автобусов и автомобилей, прибывших на пост позже. Народ начал возмущаться, и громче всех, конечно же, опять наш «дедушка».

К концу третьего часа, мы поняли: что-то не так. Один из водителей-поляков и наш гид Оля пошли на пост. Вернулись они минут через десять вместе с тем же пограничником, таможенником и... нарядом полиции, который, через нашего гида объяснил, что «герр» «дедушка» арестовывается за ос-

корбление личности офицера при исполнении им служебных обязанностей.

Впервые за две недели наш «дедушка» «проглотил язык». Извиняться пришлось всему автобусу. Извинялась гид, извинялись туристы и даже — водители-поляки. Молчал лишь виновник инцидента.

Наконец, нам выдали паспорта и отпустили.

Зато за польским пунктом у «дедушки» язык снова «развязался», и полился поток возмущённой брани:

— Гады эти немцы! — начал вопить он. — Недобитки! Мой отец воевал с ними, мы их били, били, потому теперь они каждый раз ищут способ поиздеваться над нами, мстят сволочи!..

Итак далее, и тому подобное.

— Заткнись! — сказал вдруг «дедушке» крупный мужчина лет сорока пяти с сиденья через проход.

— А-а?! — завопил в ответ «дедушка». — Ты — предатель, заодно с немцами! Чего это я должен заткнуться? Я сын фронтовика, говорю что хочу... Имею право... Мой отец завоевал...

— Дать тебе по рылу, чтобы ты, наконец, заткнулся? — под одобрительными взглядами всех, повернувшихся в их сторону, голов грубо спросил мужчина, и дедушка вдруг понял, что тот не шутит, и что нет в этом автобусе у него союзников. И притих, затаив злобу и ненависть уже к нам. Помалкивал до самого Бреста...

Я никогда не любил и не люблю людей, которые, делая грязные дела и неблагоприятные поступки, винят в этом других, ищут виноватых на стороне. Всегда виноваты все, кроме них. И стараюсь не контактировать с такими людьми. За свои поступки каждый должен отвечать сам.

Я не люблю людей с большими амбициями и плохой самообработкой, и тоже стараюсь держаться от них подальше. Ведь даже если не брать во внимание неэтичность поступка этого «дедушки», должен же он был, человек, наверняка окончивший школу, а может, и ещё что-то, понимать, что мы находились на территории бывшей Восточной Германии, где каждый ныне взрослый человек изучал в школе русский язык, а слово «фашист» звучит на всех языках одинаково.

Я также не люблю людей, присваивающих себе право на что-то благодаря заслугам других, пусть даже это и родной отец. Потому не люблю, когда сегодня некоторое наши сограждане уподобляются носить чужие боевые награды. Каждый должен приобретать свои права сам.

Вот так из одного сказанного слова может родиться целая история.

7 ЗАКОН И РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Некогда фирменный поезд «Тихий Дон», а ныне просто фирменный поезд повышенной комфортности № 19/20 «Москва — Ростов».

Цены на билеты — запредельные, чего не скажешь о «повышенной комфортности». Они-то и толкают на непредвиденные разговоры.

В купе постели на нижних полках должны быть застелены, но пакеты с бельём красуются на спинках диванов. Приходит проводница собирать билеты. Кругленькая, пухленькая, молодая и симпатичная. Спрашиваю:

— Почему постели на нижних полках не застелены?

Она секунду молчит, соображая, к чему вопрос, потом напряженно говорит:

— У нас нет для этого времени, и потому нам разрешили не застилать...

— За одиннадцать часов стоянки один человек может застелить весь поезд, — с уверенностью знающего человека говорю я. — Кто вам разрешил не выполнять ваши обязанности?

— У нас всего четыре часа, — говорит она.

— А вагонов двенадцать. Четыре часа на один вагон мало?

Она молчит, уже ненавидя меня, — ведь перед ней выбор: взять вину на себя или выдать своего ближайшего начальника, то есть бригадира поезда.

Я не зануда и не брюзжал, мне просто хочется знать её понимание ситуации.

— Так, кто вам разрешил нарушить закон о правах потребителя? — с умным видом продолжаю я. — Если вы уменьшаете количество услуг, вы обязаны вернуть их стоимость. Кто имеет право отменять оплаченные услуги? Скажите мне фамилию и должность.

У неё на глазах проступают слёзы.

— Если вы хотите, я застелю вашу постель...

— Будьте добры...

Она стелет мне постель, а я стою в коридоре и размышляю. Нет, я не зплюсь на неё, не возмущаюсь, только радуюсь, что никто из пассажиров не заступился за неё, как это обычно бывает. А злиться не имею права, потому что сам отношусь к закону, как и все. Наша российская ментальность не позволяет даже в голову взять, что *любой закон должен всеми неукоснительно исполняться*. Но он у нас всегда для кого-то другого, не для тебя, потому каждый может изменять его, толковать, как хочет и, конечно же, исполнять согласно собственному разумению. И как объяснить это молодой девушке, если прямо противоположных примеров тьма? «Да чепуха это, глупость,

мелочь, я всегда могу сделать более правильно, лучше, по-своему». Такова ментальность. А когда кто-то эту ментальность нарушает, обижаются на нарушителя.

Потому в России **законы по-прежнему служат для наказания, а не для исполнения.**

8 ТЕЛЕРЕКЛАМА

Вкусно...

«Иммунеле... Вкусно для нашего иммунитета...»

Сразу вспоминается анекдот про чукчу: «Вкусно? А как вкусно? Как нерпа вкусно?...» Ну и так далее...

Разобрался

«Ты женщина, а не посудомойка...»

Разобрался, наконец, что женился на женщине, а не на посудомойной особи...

Честный обмен

«Надо обменять температуру на диарею...»

Это здорово!

9 ТРЕБОВАНИЕ

Кореец – колхозный бригадир по выращиванию лука – в кабинете начальника железнодорожной станции требует:

– Насяльник *над люка* вагон давай, – у меня *саси** с утра стоит...

* Грузовое самоходное шасси грузоподъемностью до пяти тонн выпускалось Таганрогским комбайновым заводом.

10 ВСЁ, КАК ОБЫЧНО

Прихожу в Союз писателей России, что в Москве, на Комсомольском 13. В кабинете Приёмной Коллегии секретарь Светлана Вьюгина разговаривает с каким-то, небольшого роста, худощавым пожилым мужчиной.

Устраиваюсь на стуле, невольно прислушиваюсь. Оказывается, жалуются на Челябинскую писательскую организацию – никак не хотят оценить его творчество и принять в Союз. Светлана ему что-то отвечает неохотно, но сочувственно. По долгу службы.

Жалобы затягиваются, и я, не выдерживая, спрашиваю:

– Сколько вам лет?

– Шестьдесят шесть, – охотно отзывается мужчина, видимо, принимая меня за какую-то литературную шишку.

– И давно вы пишете?

– Давно, – уверенно говорит он и, наверное, для пущей убедительности добавляет:

– Года четыре уже...

– Да-а... – соглашаюсь я. – И что вы пишете.

– Да всё... Стихи, прозу, слова и музыку к песням. Знаете, какие у меня великолепные рассказы?

Да откуда ж мне знать?! Потому спрашиваю ещё:

– О чём они?

– Все мои рассказы из моей личной биографии. Они...

Дальше уже можно не слушать и не спрашивать. Лишь согласиться с челябинскими коллегами. Всё, как обычно, всё привычно. Человек прожил более шестидесяти лет, не написав ни строчки и прочитав всего десяток книжек. А потом вдруг ужаснулся, что мир так и не узнает о его замечательной жизни, и кинулся восполнять пробел. И зачем говорить о литературных способностях человеку, совершенно её не знающему? Так называемая «свобода творчества» позволяет писать как угодно и о чём угодно любому, умеющему составлять в слова буквы русского алфавита.

Только «мир» этот зачастую не хочет принимать очередного гения, тогда начинается поиск причин в самом этом «мире», а правды – в столице.

Всё, как везде, всё, как обычно, всё по одной схеме.

11 РЕАНИМАЦИЯ ПРИЕХАЛА

Утром два мужика сидят в купе поезда никакие. Вчера с вечера надрались почти до бесчувствия и, как водится, выпили всё до кашки. Сейчас болят жутко, не зная, что предпринять. И вдруг в коридоре вагона слышится стук ресторанной тележки.

– Вот, – оживляется один, – реанимация едет...

– Да, – разлепляет пересохшие губы другой. – Живём...

12 МОЛИТВА

Первая половина девяностых годов. В витрине одного из магазинов на центральной улице Ростова кто-то из радетелей нового американского счастья вывесил громадную чёрно-белую фотографию Манхэттена со всеми его небоскрёбами, улицами-щелями, толпами людей и потоками машин.

К витрине подходит старушка, смотрит на фотографию, потом вдруг начинает быстро и часто креститься и что-то бормотать.

Подхожу ближе и слышу приглушённое:

– Господи, упаси от жизни в таком месте...

Мы ещё не знаем, что это «новое счастье» уже спешит к нам...

13 ТЕЛЕАБРИВИАТУРА

Как

Вы

Надоели!

После того, как весёлую соревновательную студенческую передачу превратили в телешоу-бизнес с нудным и тупым американизированным юмором.

14 ВПЕРЁД ЧЕРЕЗ «АЛЬПЫ»!

Полосы встречного движения автотрассы «М4-ДОН» в посёлке «Рассвет», что под Ростовом, разделены двумя рядами мощного металлического ограждения. Для пешеходов устроен переходный мост в самой середине посёлка.

Движение здесь в обе стороны интенсивное, но скорость ограничена, поэтому еду левым рядом не очень быстро. Вдруг вижу впереди на металлическом ограждении что-то непонятное, но шевелящееся.

Подъезжаю ближе. Вот выпростались ноги, и это непонятное превратилось в очень древнюю старушку, которая на животе переползает ограждение, потом медленно опускается на асфальт уже на нашей стороне дороги и на секунду замирает, хитро поглядывая на поток машин.

Все машины, как по команде, останавливаются, и старушка, пажками, изображающими бег, перебирается через проезжую часть.

Я жду со всеми окончание этого «форсирования» дороги и думаю: «Вот он, российский (русский) менталитет. Главный принцип: «Мне надо!», а на остальное наплевать. Наверное, благодаря ему Александр Васильевич Суворов сделал то, что не смог сделать больше никто: с целой армией, зимой пересёк Альпы. Наверное, благодаря ему, русские способны на многое, что недоступно другим. Несмотря на всякие запреты. Да что там молодые солдаты, если даже старушки...»

Мы едем дальше...

15 НАКОВАЛЬНЯ

Эту историю мне рассказал мой друг, писатель Александр Можаяв.

Годы коллективизации. В двенадцати километрах от хутора Можаявка сгорела водяная мельница. Видимо, кто-то поджёг «кулацкую собственность».

Житель хутора, некий казачок, скажем, по фамилии Петров, проходя мимо пожарища, ползая по обгоревшим остаткам мельницы, надеясь чем-нибудь поживиться. Ничего путёвого не обнаружил, наткнулся лишь на большую наковальню. Ну, что ж, наковальня тоже вещь полезная.

Потащил её домой.

Пристроил в сарайчике, после чего зашёл в дом – умыться да чайку попить.

Только уселся за стол, стук в дверь. Три вчерашних казака, а сегодня – комиссара из комиссии по коллективизации – стоят на порогах, смотрят с подозрением.

– Чё надо? – не очень приветливо спросил Петров.

– Да вот, – ответил Юдин, старший в комиссии, – пришли описать твоё имущество, которое ты ещё не сдал в колхоз.

– Описывайте, – сказал Петров спокойно. – Всё равно ничего нет...

В доме в самом деле – ничего. Во дворе – тоже, только петух и две курицы сыпанули из-под ног комиссаров да колхозная бричка, запряженная тощей лошадишкой, стоит. Корова и овцы Петрова уже неделю на колхозном базу обитают.

Заглянули в катушки, сарайчик. Тоже – ничего.

– Да тут вот наковальня токо, – сказал один из комиссаров.

– Что за наковальня? – насторожился Юдин и поспешил в сарай. На самом деле – наковальня.

– Где взял? – строго спросил Юдин у хозяина.

– Принёс...

– Откуда?

– С мельницы... что на речке сгорела...

Юдин задумался. Потом изрёк важно:

– Наковальня тебе ни к чему... Что ты с ней делать будешь?

– Орехи колоть... – хмуро пробурчал Петров, чувствуя неминуемую потерю наковальни.

– Лбом что ли? – весело спросил Юдин. – У тебя даже молотка нет.

Комиссия дружно заржала.

– А вот в колхозе она пригодится, – глубокомысленно продолжил Юдин. – Давай, ребята, грузи её в бричку.

– Да мы её от земли оторвать не можем! – хором взмолились остальные комиссары. – Давай, помогай...

Почти безучастно смотрел Петров, как они, пыхтя, втаскивают наковальню в бричку.

– Килограмм на восемьдесят, зараза! – вытирая пот со лба, произнёс Юдин. Потом, помолчав и внимательно посмотрев на Петрова, произнёс:

– Как же ты её тащил?

– Как! Как! В мешок положил и – за спину. А когда кто встречался, перекладывал под мышку.

– Один? – Юдин осмотрел

Петрова с ног до головы так, будто видел впервые.

– А кто ещё?

– Двенадцать километров?

– Ну?

– Молодец! – неожиданно восхитился Юдин. – Хорошо потрудился на колхоз... единоличник...

Они устроились на бричке и уехали. Петров долго смотрел им вслед и думал: «Вот так и в колхозе будут работать – где может один, потребуются трое».

Впрочем, наверняка, он так не думал. Просто ему было жалко наковальню, хотя он и в самом деле не знал, зачем она ему...

16 АКУСТИКУ ПРИВЕЗЛИ

В Нальчике на торжественном вечере, посвящённом юбилею Инны Капеевой, председатель Кабардино-Балкарского отделения Союза писателей России Х.Х. Кауфов, предоставляя мне слово, произнёс такое предисловие:

«Сейчас перед нами выступит представитель Ростова – города, который имеет особое значение для всех республик и областей Южного Федерального округа (Северо-Кавказского – тогда ещё не было). По этому поводу хочу рассказать об одном случае, который произошёл у нас, в Нальчике. Президент республики принимал новый Дворец культуры. Всё осматривал. Всё понравилось, но высказал замечание:

– По-моему, здесь плохая акустика...

– Ничего, – с готовностью заверил его директор фирмы, строившей Дворец, – завтра пошлём машину в Ростов и привезём другую акустику...

Так что, на Ростов у нас всегда большие надежды...»

17 А ГДЕ ОНИ?

Телевидение, рассказывая нам о махинациях банков с кредитами, часто употребляет термины «недобросовестные банкиры» или «недобросовестные финансисты». Лучше бы рассказали, где они – «добросовестные»?

Хотя понятия «совесть» и «банкир» соединить практически невозможно...

18 НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ

В восьмидесятые годы прошлого века третьей по численности в РСФСР (после Москвы и Ленинграда) неожиданно стала Дагестанская республиканская писательская организация Союза писателей СССР.

Когда у Расула Гамзатова спросили, откуда в их, в общем-то небольшой республике, появилось около 60 писателей, он ответил: «Приходит к нам человек со стихами, и мы у него спрашиваем:

– Тебе нужен *членский билет*?

– Да...

– Мы дадим тебе билет, но при одном условии – ты *никогда больше не будешь писать стихи.*

Так мы спасаем литературу от графоманов...

Конечно, поэт пошутил. Но ведь все знают, что в каждой шутке есть доля шутки. Уж слишком много сегодня развелось писателей, от которых надо «спасать литературу».

19 ОПРОС И РЕЗУЛЬТАТ

В Ростове был проведён опрос ста водителей автотранспорта. Всем был задан один вопрос: «*Что должен делать водитель при подъезде к регулируемому перекрёстку, если перед ним загорелся жёлтый свет?*» и предложено выбрать один из двух вариантов ответа: «1. *Нажать на педаль тормоза*» и «2. *Нажать на педаль газа*».

В среднем девять из десяти опрошенных водителей выбрали второй ответ, а на дополнительный при этом вопрос: «*Для чего служит жёлтый сигнал светофора?*», уверенно отвечали, даже не пытаясь свериться с правилами дорожного движения: «*Для того, чтобы дать возможность водителю проскочить перекрёсток*». Такая уверенность опиралась на их российскую ментальность.

А вы как бы ответили на эти вопросы? Признайтесь хотя бы самому себе.

«*Проскочить*» – это понятие стало основой движения водителей, севших за руль после 1991 года, когда в обучающие конторы пришли инструкторы, несущие в себе подобную ментальность. Проскочить всегда и везде, обогнать, заскочить вперёд, выгадать десятые доли секунды, будто в этом вопросе жизни – опорные столбы их психики...

Перед Новым годом объявили акцию «Дверь за полцены!»

Супруги Пилполькины давно хотели заменить входную дверь на «приличную»: металлическую, с сейфовым замком.

А тут такая халява, то бишь скидка!

Лёня Пилполькин говорит жене:

— Давай, поеду, гляну. Если что — закажу.

— Нет, — воспротивилась Нюся Пилполькина. — Вместе поедем. Вдруг мне дизайн не понравится.

— Ты пока марафет будешь наводить, там двери закончатся. Написано: предложение ограничено.

— Я — мухой! — бойко отозвалась жена, больше похожая на толстую гусеницу.

В магазине они долго ходили меж рядами выставленных дверей.

— Все за пятьдесят процентов? — уточнил осторожный Лёня Пилполькин.

— Абсолютно! — с готовностью продемонстрировал свои белые зубы расторопный продавец.

— А мне вот эта понравилась! — сказала вдруг Нюся, показывая на красивую, «под морёный дуб» дверь, стоящую в стороне от ряда.

— Эта отложена, — продавец извиняющимся жестом показал на витрину. — Выбирайте среди предлагаемых.

— Своим оставили, — шепнула Нюся мужу и с ходу «ринулась в бой». — Как это «отложена»? — громко возмутилась она.

— Я хочу именно эту!

— Но, извините, она пока не продаётся...

— А я говорю, мы её берём! Выписывайте!

Продавец посмотрел на Пилполькину, но Лёня дипломатично молчал. Он знал, когда жена «закусит удила», с ней лучше не спорить.

По акции двери расхватывались, будто горячие беляши в голодный год, на их установку сложилась очередь, как в дамский туалет. Так что мечтать встретить Новый год с новой дверью почти не приходилось.

Но Нюся и тут проявила напор, решительность и даже находчивость.

Так что к семнадцати часам тридцать первого декабря новая дверь красовалась на входе квартиры Пилполькиных.

Правда, мастер-установщик дверей что-то долго возился с дверным замком и почему-то ворчал при этом:

— Додуматься купить бракованный блок...

Но супруги не вслушивались в его ворчание. Они были довольны собой и красивой дверью — так дёшево и так круто!

Вкусно поужинав, Лёня, потирая руки весело сказал:

Ох уж эти «проскакивальщики»! Сколько бед творят! Они нервные, психически неуравновешенны, самоуверенны, хотя плохо подготовлены, зато вполне обоснованно непоколебимы в своём понимании, что всегда при встрече с бпостителями закона смогут отвязаться от их «придинок», и до наказания дело всё равно не дойдёт.

Может, эта уверенность и плодит хулиганов на дорогах?

20 ЗАКОНЫ В РОССИИ

В России законы служат не для **исполнения** их всеми, а для **наказания** отдельных особей.

Потому законы никто не исполняет, а граждане безразличны к принятию любого нового закона.

21 БАЛАЧКА* ПОДВЕЛА

В сельмаге (сельском магазине) третий день идёт годовая ревизия. Комиссия из райпо (районного потребительского общества) уже весь товар пересчитала, сверила с приходными документами и записями в приходно-расходном журнале, и всё, вроде бы, нормально, только вот одна **фанта** оказалась в излишках — сколько её не искали в документах, нет её, хотя в наличии есть.

По негласным законам советской торговли излишки всегда считались преступлением большим, чем недостача, — они как бы напрямую указывали на то, что продавец или кассир ворует, потому были категорически запрещены.

Комиссия нервничает, всем хочется поскорее закончить ревизию, выпить рюмочку за завершающим акцией столом, поест, наконец, и ехать домой в райцентр.

— Ну что ж, будем составлять акт об излишках, — мрачно говорит председатель комиссии, полный, лысоватый мужчина лет пятидесяти, ещё раз просматривая алфавитные записи в журнале на букву «Ф». — Секретарь, пиши...

Молоденькая блондинка с готовностью преданного спаниеля берёт ручку и смотрит председателю в глаза.

— Да она тут уже сто лет лежит, — начинает канючить милостивая продавщица средних лет и не то возмущается, не то предлагает:

— До меня уже грязная была, её выбросить пора...

— Я-те выброшу! — грозно говорит председатель, откладывая журнал в сторону. — Ишь ты, потребительским добром разбросалась!..

Третий член комиссии, женщина предпензионного возраста берёт журнал, зачем-то начинает снова его листать.

Людмила Хлыстова «За полцены»

Рассказ

— Теперь можно и за ёлкой сходить. Сейчас будут отдавать даром. Завтра всё равно выбрасывать.

— Давай! Выбирай маленькую, да пушистенную.

— Как ты у меня! — сострил Пилполькин, взял ключи от нового замка и старательно закрыл за собой сияющую дубовой облицовкой дверь.

Не прошло и часа, как Лёня вернулся с ёлочкой и вставил новый ключ в новый замок. Тот не проворачивался.

— Не в ту сторону! — догадался Лёня и попробовал повернуть ключ в обратном направлении. Тот не проворачивался.

Лёня отставил ёлку, которую держал левой вытянутой рукой, чтобы не примять её, и попытался открыть замок двумя руками, придавливая дверь. Ключ не проворачивался.

Пилполькин запаниковал.

Звонок в квартиру не работал давно, — всё не доходило руки починить.

— Нюся! — позвал он, осторожно постукивая в дверь.

Но жена накрывала новогодний стол, а из телевизора гремел праздничный концерт.

— Пиши, — собираясь диктовать, снова говорит председатель. — Мы, ниже...

— Так вот же она, — неожиданно перебивает его женщина и тычет пальцем в журнал. — Вот... На букву «Х». Написано «Хвата невесты — 1 шт. цена — 28 рублей». Всё правильно.

— Ишь ты, «хвата!» — говорит председатель и показывает продавщице кулак.

На этом ревизия заканчивается...

* **Балачка** — пестрая смесь русского и украинского языков с казачьим говором, на котором говорят жители юго-запада России и юго-востока Украины. **Балачать** — говорить, разговаривать.

22 О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Слушая, как телевидение почти ежедневно предлагает жителям нашей страны отстаивать свои права в прокуратуре, судах, полиции и так далее, хочется в ответ спросить:

— А когда же людям жить?.. И для чего тогда в нашем стране многочисленные **правозащитные** и **правоохранительные** органы?..

23 ЗЛО — НЕИСТРЕБИМО

Зло неистребимо потому, что мы всегда **активно боремся со злом прошлым** (когда оно уже становится для нас безопасным), и **в упор не замечаем зла настоящего**, потому постоянно подвержены его воздействию.

24 КРЕПКИЕ РУКИ...

Елена Валюшкина, актриса, в телевизионной передаче «Пока все дома»: «У меня в руках **узды от лошади...**» Хорошо, что не **«мышки» отржеиссёра...**

25 ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

Телевидение, несомненно, жестокое и реальное оружие массового поражения психотропного вида. Отдавать его в частные руки в том виде, в котором оно существует сегодня, — преступление проти человечества и человечности. Потому что оно немедленно начинает действовать против собственного народа.

Может, нам ради свободы и демократии, и атомную бомбу передать в частные руки? Чтобы посмотреть, что из этого выйдет? Если успеем, конечно...

— Нюся! — Лёня постучал громче, потом ещё и ещё, пока не вспомнил про мобильник.

Он быстро набрал номер жены и пока слушал жизнерадостное: «А я люблю военных, красивых здоровенных!..» успокаивал себя: «Ничего! Сейчас откроет изнутри, а потом разберёмся в чём там дело...»

Но песня про красивых и здоровенных кончилась, а Нюся трубку не взяла.

«Опять засунула куда-то телефон и не слышит», — с досадой тошнул ногой Пилполькин. Он покрутился с ёлкой, думая, что предпринять, потом стал опять стучать и кричать, пока на площадку не выглянула Полина Марковна — соседка из квартиры напротив. На этот раз её неизменная бдительность оказалась кстати. Лёню осенило:

— Полина Марковна! Если вас не затруднит, позвоните моей по городскому. Пусть откроет, а то не слышит, видите ли...

Соседка флегматично посмотрела на растрёпанного Пилполькина, на плогавенькую ёлку, на новую парадную дверь, пожевала обвислыми губами и скрылась в своей квартире.

Лёня отчаялся. Совершенно не факт, что она позвонит. Пилполькин ей каждый раз при встрече выговаривал, что её болонка несносно воеет, как только она уходит из дома.

Но в этот момент из прихожей его квартиры послышалась какая-то возня.

Это жена, странным образом, услышав разговор в подъезде, подставила скамеечку и выглянула в глазок.

«У Лёни есть ключи, — подумала она. — А это кто околачивается у двери?»

— Нюся, Нюся! — заорал мужчина, воодушевляясь.

— Лёня, это ты? Почему ты не заходишь?

— Замок заело! Поверни изнутри!

Нюся бросилась открывать замок, но безуспешно.

— Не могу! — пыхтела она. — Ни туда, ни сюда!

— Давай вместе! — командовал Лёня. — Крути против часовой!

Шёл уже одиннадцатый час ночи. Дверь стояла, как заколдованная глухая стена.

— Вот выбрала! Вот тебе акция! — стал заводиться Пилполькин. — Что я на площадке буду Новый год встречать?! Лучше я с ёлкой к Шуручке на первый этаж пойду!

— Лёня! Лёня! — заволновалась Пилполькина. — Не вздумай! Слышишь? Я звоню в МЧС! Пусть режут этот проклятый замок! Что это за Новый год без ёлки? Да, Лёня? — она сделала последнюю отчаянную попытку и крутанула рычажок по часовой стрелке. Внутри двери что-то плотно лягнуло, и замок открылся.

Нюся обнимала мужа со слезами радости, как после длительной командировки.

26 КТО Ж ЗНАЛ...

Возвращаюсь домой из Болоньи с Международной Ярмарки Детской Книги. У меня два чемодана на колесиках с детскими книгами, сумка с вещами и подарками внукам. В кармане — билет на поезд «Неаполь — Мюнхен», который отправляется с вокзала Болоньи в 11-45.

На часах 11-15. Таксист высаживает меня перед главным входом в вокзал, и я спешу в центральный зал к большому табло — посмотреть с какого пути отправляется мой поезд. Но, увы, нужного мне поезда на табло нет, а в 11-45 с третьего пути отправляется только поезд «Napoli — Монако». Соображаю: Монако — это юг, Мюнхен — это север. Начинаю понемногу нервничать, поглядывая на стрелки часов.

Верчу головой по сторонам. Спросить не у кого, — итальянского не знаю. Русский (или хотя бы английский) в вокзальном гомоне не прослушивается. Направляюсь к справочной со слабой надеждой объясниться. И тут меня осеняет: «Аня! Переводчица, с которой я работал на ярмарке!» Аня родом из Минска (вышла сюда замуж) и потому почти своя.

Спешно тыкаю пальцем в кнопки мобильного — набираю Анин номер. Вот чёрт! Абонент не доступен.

Набираю и набираю, а на часах уже 11-30, 11-35. Чувствую себя на горячей сковородке. И вдруг — такой милый и почти родной голос Ани в трубке: «Pronto?»

— Аня! — кричу в трубку. — Ничего не могу понять. Поезда на Мюнхен в расписании нет, зато на то же время стоит поезд на Монако...

Аня смеётся...

— Чего? — удивляюсь её веселости я.

— Мюнхен по-итальянски и есть Монако...

— Хорошо хоть не Париж, — кричу я в трубку. — Кто бы мог до такого додуматься! Спасибо!.. До свиданья!..

И дальше, несмотря на два чемодана и сумку, лечу, как на крыльях к третьему пути, на котором уже стоит мой, проходящий Болонью поезд. В 11-45 я уже сижу в своём купе, перевожу дух и смотрю в окно, за которым ушльхает Болонья!

Прощай, прекрасный древний город! За десять дней, проведённых здесь, я тебя полюбил. Жаль, что не идёт дождь, — говорят же, что тот, кто уезжает в дождь, обязательно вернётся...

К юбилею поэтессы

Ольга Корнеева

Я прошу одного - Любви...

Я прошу...

Людмила Ковриженко

Я прошу одного – Любви –
Больше мне ничего не надо...
Чтобы видеть свои шаги,
Чтобы слышать дыхание сада.
Чтоб любовью ненастным днём
Прикоснуться к больному сердцу,
Чтоб не вылиться мне дождём,
Открывая на небе дверцу.
Чтобы солнца увидеть круг
Не на небе, а в кротком взгляде,
Чтоб других оценить не «вдруг»

В домотканом простом наряде.
Видеть чистый хочу родник,
Птицу чудную, но не в клетке,
Чтобы ангела дивный лик
Был знаком и моей соседке.
Без Любви меня видел Бог –
На краю темноты жила я...
Преткновением был порог
И душа была нежилая.
Пусть Любовь проживёт во мне,
Сотни раз возрождаясь снова, –
Я мечтаю сгореть в огне
Неземного живого слова.
Умоляю тебя, Отец,
Дорогая моя услада!

Я прошу лишь Любви венец –
Больше мне ничего не надо!

Не хочу

В среднем роде прожить легко –
Среднеродам живётся сладко,
Когда радость и боль далеко,
И не холодно им, и не жарко.

Когда нет ни морщин, ни слёз –
Сердце глухо стучит в пустыне,
Где не сходят лавины грёз,
И не бродят мысли о сыне.

Когда взгляды летят в никуда:
Равнодушные, злые, пустые;
Когда стопы идут не туда,
Забывая маршруты простые.

Среднерод может дать совет.
Как закутаться в злую вьюгу,
Но при этом ни «да», ни «нет»,
Когда *надо* не скажет другу.

Не протянет слепцу руки,
Не испортит косою руки,
И не стопчет свои каблук.
Уходя навсегда от разлуки.

Может мне, погасив свечу.
Раствориться в блаженном мёде?
Нет. Я всё-таки не хочу
Проживать себя в среднем роде!

Польза Бесконечности

Когда хотелось – не было,
Когда пришло – не хочется,
И шум далёкой молодости
Знаю, не воротится.

Ступенька за ступенькою
Ведут к началу Вечности,

И думаю всё чаще я
О пользе Бесконечности.

Бреду к каньону Памяти
Широкою дороною,
Оставив след на паперти
Глубокою Тревогою.

Ночами долго говорю
С Разлукой нелюбимую,
Любовь – подруженьку свою,
Удерживаю силою.

Иду к концу – в Начало Дня –
Навстречу Божьей Вечности,
И думаю всё чаще я
О пользе Бесконечности...

Прости меня, Господь!

Прости меня, Господь,
За годы без Тебя,
За суетную ночь
И беспробудность дня,

Прости за зло и гнев,
Обиду, пустоту,
За зависти посев,
За мщенья высоту.

Прости за нелюбовь,
Печаль, тоску и мрак.
За то, что снова я
Всё делаю не так.

О, Боже, я прошу
Прощенья за разгул
Шальных бездумных слов,
За осужденья гул.

Победу суеты
Во времени земном,
Изгнание простоты,
Прочтении ином.

Что я, имея слух,
Не слышу никого,
Что, пару глаз включив,
Не вижу ничего.

Плыву в течении рек,
Где некогда понять,
Как короток мой век
(В нём трудно вечным стать).

Прости, Господь, за всё,
Что в жизни натворю,
Что за дела Твои
Людей благодарю,

А не Тебя, Отец,
Создатель и Творец
Людских незрелых душ
И бьющихся сердец.

Прости, Господь, меня,
Мой любящий Отец,
В конце земного дня
Приду я, наконец,

К Тебе, чтоб Ты согрел
Меня своим теплом,
Чтоб растворилась я
В блаженстве неземном.

Все это будет там,
Где правишь Ты, Творец,
А здесь, молю Тебя,
Прости за всё, Отец!

«На рубеже стремительных столетий»

Осенью текущего года вышла в свет книга стихов члена СП России Кнарлик Хартавакян «На рубеже стремительных столетий» (тираж 300 экз., 355 стр. с цветными репродукциями картин Мартироса Сарьяна, Николая и Святослава Рерихов; твёрдый переплёт.)

В сборнике двенадцать разделов. В первые два раздела юбилейной книги включены в хронологическом порядке, стихотворения 1990-2010-х гг., а также наиболее значимые произведения из трёх её изданных книг. Следующие десять разделов сборника – тематические, стихотворения в них даны в логической последовательности.

«ПОТОМКАМ ПЕРЕДАТЬ И В ДОЛГ ВМЕНИТЬ»

Рукопись этого сборника попала ко мне 28 марта 2013 года, накануне 125-летия со дня рождения Мариэтты Сергеевны Шагинян. О знаменитой армянке, виртуозно владевшей русским языком, на котором писала вначале стихи и газетные фельетоны, а потом романы и мемуары, мне вспомнилось в тот день не случайно. Передо мной лежали накопившиеся за два десятилетия страницы литературного труда другой армянки, пишущей на русском языке, – поэта Кнарлик Саркисовны Хартавакян. Предки её, как и прадед матери Мариэтты Шагинян, стали жителями донской земли в екатерининские времена, когда по воле императрицы совершилось переселение армян из Крыма полуострова в низовья Дона.

Со стихами Кнарлик Хартавакян я познакомился в начале 90-х годов. Те, ещё ранние, опыты молодого автора из села Чалтырь обращали на себя внимание искренностью, музыкальностью интонаций, чистотой русской поэтической речи.

В 1999 году вышла первая книга стихов и переводов Кнарлик Хартавакян «Мы из древнего града Ани», а вслед за ней увидел свет её поэтический сборник «О, первый снег!...». Следующим шагом к зрелости К. Хартавакян стала книга стихов «Армянские святые письма». Достигнутый уровень Кнарлик подтвердила участием в конкурсе-фестивале современной поэзии и авторской песни «Ростовская лира» – стала лауреатом этого творческого состязания в 2008 и 2009 годах. А ещё через два года она была принята в Союз писателей России.

Новая книга, с которой Кнарлик Хартавакян идёт к читателям накануне своего юбилея, многогранна, как само время, так или иначе отражённое на страницах сборника. Своё кредо Кнарлик

О ЮБИЛЕЙНОЙ КНИГЕ КНАРЛИК ХАРТАВАКЯН

выразила в одном из стихотворений 2004 года:

Участья полными речами
Целить души людской недуг,
Сковавши боль, как обручами,
Направить к ясным даям струг.

В разделе «Сильна, как Бог, и трепетна, как лань», посвящённом любви, называя себя «неуютной женщиной», она выводит своего рода формулу альтруистической связи между личным счастьем и человеколюбием:

Неоскудна людская вовек доброта,
Необъятна и щедрой души широта.
Круг любимых и любящих будет ли оужен?
Неуют расточенья, как воздух, мне нужен.

Это жертвенное «расточеньё» душевных сил, времени, творческого потенциала настолько имманентно присуще характеру героини, что по мере чтения всех двенадцати разделов книги становится своеобразным опознавательным знаком: да, она такая, иной быть не может и чувствует себя вправе жёстко спрашивать и у себя, и у других:

Идиллия в дни беспокойного века?
Оазис блаженный близки родников –
Вдали от жестокостей, лжи человека,
Вторженья безумного подрывников?..

Патриотическая тема неотделима от чувств ответственности, скорби и дочернего долга:

Земля родная, прах родных
В тебе схоронен в дни печали.
Не оскорбила ль память их
Я верхоглядством через дали?

И, словно опасаясь поверхностного взгляда, поэтесса находит словесный эквивалент единства благодарности, гордости и печали,

когда предметом лирического осмысления становятся давняя и недавняя история, любовь к упреждающим близким и гражданский долг перед будущим:

Мой край родной, аляжусь и
в даль веков,
Тобой любуюсь, предков
вспоминаю,

Сюда пришедших с крымских берегов.
Ты кров им дал, радушно принимая.

А судьба этого края решалась в жестоком столкновении с бесчеловечностью вражеского нашествия. И след войны, дважды врубленный в благодатную и оплаканную землю, пролегает через лирику Кнарлик Хартавакян:

Здесь, на Миусских рубежах кровавых,
Здесь, на холмах самбекских и полях,
Не молкнет гром боёв святых и правых,
Дождь слёз блестит на ивах, тополях...

Это строки из стихотворения, посвящённого автором памяти дяди Давида Вартевановича Хартавакяна и всех земляков-дончан, погибших на Миус-фронте и Самбекских высотах:

...Застёжнута наглухо косоворотка,
Зажато перо в напряжённой руке...
Ах, юноша нежный! А век-то короткий –
Нет завтрашней даты в твоём дневнике.

Патриотизм душевных устремлений поэтессы зиждется на самых близких её натуре ценностях: на преданности отчей земле, на гордости за свой несломленный народ, на любви к отцу-фронтовику, к матери, с которой не может разлучить даже смерть:

Твоя душа, она не может сгинуть.
Нетленной плоть останется твоя.
Детей своих ты не вольна покинуть,
Ты рядом, не во тьме небытия.

(Окончание на стр. 8)

Образ матери, приходящей на помощь в трудную минуту. У Кнаррик Хартавакян присутствие матери неотделимо от лирического настроения, навеянного пушкинским «печаль моя светла»...

*Как светло мне под скрипку печалиться:
Ты, воскресшая мама,
со мною!
В слёзных заводях чёлн твой*

причалится,

Взором свяжется с твердью земною.

Взаимосвязь любви к матери и любви к её родному языку, который армяне называют материнским, — одна из характерных черт лирики Кнаррик Хартавакян. Стремление постичь глубину древней культуры через услышанное в раннем детстве слово, через песню или сказку, раздвигавшие представления о мире и о народе, побуждает поэта возвращаться к своим этническим корням, припадать к истокам поэтического слова:

*Звучи, материнская речь!
Я силуюсь понять сокровенное,
Что должно лелеять, беречь,
Как дарственно-благословенное...*

Слово, запечатлённое на пергаменте, становится священным — это древний завет великих просветителей армянского народа. У Сильвии Капутикян есть баллада о том, как спасали книги и детей — самое дорогое, что было у давних предков. Аналогичный мотив звучит и в стихах Кнаррик Хартавакян:

*Когда в чреде набегов, битв, измен
Столиц руины рушились в пустыни,
Спасали мы сокровища письмен,
И нет у нас дороже их святыни.*

Эмоциональное отношение к духовному достоянию народа перерастает в убеждённый императив, когда поэтесса думает о будущем, о сохранности богатств культуры для новых поколений:

*Люби щемлящей чувство, сопряжённое
С желанием сберечь и защитить,
Отцов и предков ратью бережённее —
Потомкам передать и в долг вменить.*

КНИГА ЖИЗНИ

К 70-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне Литературный фонд «Дорога Жизни» начал работу по сбору материалов для Благотворительного издания многотомной Антологии военной поэзии.

Это будет глобальная поэтическая мемориальная Книга Жизни народов России в годы Великой Отечественной войны и после неё; книга Жизни, сполна оплаченной кровью, слезами и потом участников сражений и тружеников тыла.

В Антологии войдут стихи поэтов СССР и России, т.е. лучшие произведения всех советских поколений — воевавших, переживших в детском или подростковом возрасте военное лихолетье, современных авторов.

В многотомном поэтическом собрании **впервые** будет предпринята попытка охватить всё лучшее, созданное за семьдесят лет

Донским армянам выпало на долю слить воедино две живительные струи: приверженность культуре древнейшего народа Малой Азии, с одной стороны, и любовь к России — с другой. В творчестве Хартавакян это слияние приобретает человечный образ поклонения Руси и русской природе:

*Не напыщенно-выспренным слогом —
Я к тебе с вешней лаской прильну,
Припаду слёзно вылитым словом
И к берёзкам твоим, и ко льну.*

Трепетное чувство связывает лирическую героиню Кнаррик с её родным селом. Здесь начало жизненной дороги — первые шаги, первые слова, первые радости... Девочка, девушка, женщина припадает к милым сердцу реалиям малой родины как к источнику добра и чистоты. Отсюда — и традиционный для армянской поэзии образ родника, влекущего к себе и дающего силы:

*Струя ключа блеснёт, прошепчет: «Чал-тырь!»
Даст силы животворная вода...
Спасибо, родничок, что вновь позвал ты,
Твой зов я не забуду никогда.*

От стихотворения к стихотворению, от цикла к циклу, от раздела к разделу Кнаррик Хартавакян пролагает некую лирическую трассу, по которой читатель должен приблизиться к восприятию ценностей, проповедуемых искренне и убеждённо. То, что волнует поэтессу, вызывая восхищение или тревогу, воплощено в строки и строфы, не оставляющие места для равнодушия. И в самых грустных, элегически раздумчивых стихах о неизбежном берут верх оптимистические ноты:

*Когда-нибудь наступит немота,
Объяв меня, вздохнёт земля: «Не дышит...»
Но и тогда — в шептаны вешних трав —
Мой род мои признания услышит.*

Хочется верить, что до подведения итогов творчества Кнаррик Хартавакян ещё далеко. Но уже то собрание стихотворений, которое сложилось у неё за два десятилетия на рубеже веков, свидетельствует, на мой взгляд, о главном — о единстве мировоззренческих, духовных и эстетических принципов, образующем цельность её художественного дарования. Остаётся надеяться, что читатель почувствует эту цельность и по достоинству оценит её плоды.

Николай Скрёбов, член Союза российских писателей,

в русской поэзии на тему величайшей в истории человечества войны, Победы в ней и последующей памяти о героических буднях и трудных десятилетиях мирной жизни.

Антология мыслится составителями, как общий Соборный земной поклон великому поколению отцов и дедов.

Сегодня, когда целенаправленно стираются из памяти российских потомков героические подвиги их предков, мы ставим себе задачу создания единого свода Поэтического наследия России (СССР), посвящённого беспримерной жертвенности нашего народа в борьбе со злом и Победой над ним в мае 1945 года во имя всего человечества.

Мы постараемся сделать Антологию максимально искренней, эмоционально острой, художественно ценной.

Автор идеи проекта — Дмитрий Мизгулин, редактор-составитель — Борис Лукин.

Книжное обозрение

Алексей Глазунов

УЗЕЛ

Роман

Алексей Глазунов. «Узел». Роман. — Ростов н/Д; Из-во «Донской писатель». 2014 г. — 304 стр.

В романе рассказывается о молодом человеке, Назаре Кострове, из небольшого тихого городка на юге России. И хоть в произведении город носит название Степной, внимательно

читатель, несомненно, узнает в нём Сальск, в котором проживает сам автор. Постперестроечное время богато событиями, они калейдоскопом мелькают перед мысленным взором читателя, заставляя задуматься, а замысловатые переплетения сюжетных коллизий — сопереживать главному герою. Меняются века, и на стыке времён меняются, казалось бы, нерушимые устои общества, политика, экономика, моральные и духовные ценности. Грядут иные веяния, иные взгляды на мир, привнесённые на русскую землю с Запада. Главный герой старается осмыслить происходящее вокруг, разобраться в новой жизни, в человеческих отношениях, дать правильную оценку случившемуся, нащупать свою дорогу.

Алексей Глазунов. «Степные тропки». Миниатюры. — Сальск, 2014 г. — 112 стр.

В миниатюрах живописно повествуется о прекрасном уголке земли Донской — привольной, богатой крас-

ками Сальской степи, откуда родом сам автор. Ярко и образно показаны её обитатели: животные, птицы, ну и, конечно же, люди. Автор не оставляет

вниманием ни явления природы, ни реку с традиционными рыбаками, ни бахчу, ни пасеку. Любовно описывает всё, на чём останавливается его пытливый взгляд. Разве можно не любить природу, особенно нашу, донскую? Оглянитесь вокруг, присмотритесь: зелёные рощи и лесопосадки, цветущие степи, колосающиеся поля, созревшие плоды и овощи в садах и огородах, пение птиц, удивительные животные, — наши «меньшие братья». Если и есть рай, то он здесь, на земле! Всё это и хочет донести до читателей автор, щедро поделиться своими чувствами, переживаниями, размышлениями.

Коллектив авторов. «Я пробую перо». Сборник произведений участников литературного семинара при РРО СП России. 2013 — 2014 учебный год. — Ростов н/Д; Из-во «Донской писатель». 2014 г. — 128 с.

Это итоговый сборник минувшего учебного года, занятия которого ежемесячно проходили в Донской публичной библиотеке. В книгу вошли стихи и рассказы кандидатов в члены Союза

писателей России и участников Лит-Студии из городов Ростова-на-Дону, Таганрога, Новочеркасска, Азова, Шахт, Белой Калитвы, Красного Сулина, Миллерово, Волгодонска, сл. Капшары, ст. Мальчевской, а также — рассказ прозаика из Таганрога, члена Союза писателей России Л. Хлыстовой и стихи поэта О. Немькиной из г. Тихорецка Краснодарского края, которую 15 октября 2014 г. приняли в члены СП России. Сборник тщательно отредактирован, хорошо проиллюстрирован общими и персональными чёрно-белыми фотографиями участников семинара; обложка красочная, полноцветная, из картона «Лён».

Газета издаётся при поддержке Министерства культуры Ростовской области.

Газета писателей Ростовской области

редактор *Алексей Береговой*
над выпуском работали:
корректор *Е. Симонова*
верстка *В. Анисратовой*
художник *М. Никулин*
фото *В. Хлыстова*

Номер подписан в печать 14.12.14 г. Тираж 990 экз
Адрес редакции: 344002, Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94
т/ф 8 (863)292-78-03; т. 8-918-599-67-51; 8-918-854-80-59;

donpisatel@yandex.ru

распространяется бесплатно

Общественная редакционная коллегия:

А. Резванов — министр культуры РО,
А. Береговой, В. Воронов, А. Глазунов,
Л. Малюкова, А. Можаяев, И. Сазонова Г. Студеникина,
В. Шостко — члены СП России, Н. Скрёбов — член СРП,
Т. Аксёнова — ЗО УК Ростова-на-Дону,
А. Попова — ЗОМО ЦГБ им. Горького

Номера газеты «Донской писатель», журнала «ДОН_новый» и альманаха «Дон и Кубань» можно прочитать на сайте: www.donlib.ru